

DOI: 10.31696/S086919080037388-3

СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК ПОСРЕДНИКИ В КРИЗИСНОМ
УРЕГУЛИРОВАНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

© 2026

А.К. БОБРОВ ^а

^а – Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7055-3805; a.bobrov@inno.mgimo.ru

Резюме: В статье предпринята попытка рассмотреть дипломатические аспекты эволюции роли государств Ближнего Востока как посредников в кризисном реагировании на региональном и глобальном уровнях.

Изначально страны региона выступали в качестве посредников при решении внутрорегиональных конфликтов. В частности, Саудовская Аравия внесла вклад в восстановление прямых отношений между Иорданией и Сирией, урегулирование гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг. и др. В 2010-е гг. посредническую функцию нередко выполняли ОАЭ, а также Турция и Катар. Особенностью выбранной этими странами тактики является активное использование инструментов «дипломатии второго трека», то есть привлечения негосударственных игроков из враждующих стран для неформального обсуждения различных вопросов с их дальнейшей трансляцией лицам, принимающим решения.

К концу 2010-х гг. страны Ближнего Востока стали выступать в роли не только региональных, но и глобальных посредников. Этому способствовали два ключевых фактора: активизация в регионе «конгресс-дипломатии» и последствия перехода в острую фазу украинского кризиса в 2022 г. Проведение масштабных мероприятий предоставляет возможность организовывать закрытые встречи и переговоры, что становится особенно важным в связи с необходимостью создания условий для дискретных обсуждений чувствительных вопросов без привлечения внимания СМИ.

После февраля 2022 г. наблюдался резкий рост посреднической активности ближневосточных стран во внерегиональных делах, в первую очередь, связанных с различными аспектами урегулирования украинского кризиса, что вызвано отказом традиционно нейтральных государств Европы от равноудаленной позиции в международных отношениях. Страны Ближнего Востока выступали посредниками в рамках гуманитарных инициатив, а также предоставляли площадки для проведения переговоров. «Специализация» на отдельных видах медиации (обмен пленными, предоставление территории для технических консультаций и пр.) позволяет государствам занимать определенную нишу и повысить свой статус в глобальной мир-системе.

Ключевые слова: кризисное урегулирование, дипломатия, Ближний Восток, Саудовская Аравия, Катар, Турция, ОАЭ, российско-американские отношения

Для цитирования: Бобров А.К. Страны Ближнего Востока как посредники в кризисном урегулировании в современной дипломатии. *Восток (Oriens)*. 2026. № 1. С. 103–114. DOI: 10.31696/S086919080037388-3

MIDDLE EASTERN STATES AS MEDIATORS
IN CRISIS MANAGEMENT IN MODERN DIPLOMACY

© 2026

Alexander K. BOBROV ^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7055-3805; a.bobrov@inno.mgimo.ru

Abstract: *The article attempts to examine the diplomatic aspects of the current role of Middle Eastern states as mediators in crisis response at the regional and global levels.*

Initially, the countries of the region mediated the resolution of intra-regional conflicts. In the 2010s, mediation function was often performed by the UAE, as well as Turkey and Qatar. The tactics chosen by these countries are marked by the active use of 'second track diplomacy' instruments. By the end of the 2010s, Middle Eastern countries had begun to act not only as regional but also as global mediators. This was facilitated by two key factors: the intensification of 'congress diplomacy' in the region and the consequences of the Ukrainian crisis entering its acute phase in 2022. Hosting large-scale events, the countries find an opportunity to organize private meetings and negotiations, which becomes especially important due to the need to create conditions for discrete discussions of sensitive issues without attracting media attention.

After February 2022, mediation activity of Middle Eastern countries in extra-regional affairs dramatically increased, primarily in relation to various aspects of the Ukrainian crisis, caused by the refusal of traditionally neutral European states from an equidistant position in international relations. Middle Eastern states acted as mediators in humanitarian initiatives and provided platforms for negotiations. 'Specialization' in certain types of mediation (exchange of prisoners, providing territory for technical consultations, etc.) allows these states to occupy a certain niche and upgrade their status in the global world-system.

Keywords: crisis management, diplomacy, Middle East, Saudi Arabia, Qatar, Turkey, UAE, Russia-US relations

For citation: Bobrov A.K. Middle Eastern States as Mediators in Crisis Management in Modern Diplomacy. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 103–114. DOI: 10.31696/S086919080037388-3

Современный этап развития системы международных отношений отличается повышенной конфликтностью. Постепенная деградация сложившейся после распада Советского Союза адаптированной версии ялтинской-потсдамской системы, для которой были характерны политико-дипломатическое доминирование западных стран с акцентом на институты глобального управления, приводит к перераспределению ролей среди государств мира, в первую очередь – т. н. средних держав [Богатуров, 2019, с. 289]. Вследствие возникновения новых конфликтных узлов и образования регионального вакуума силы место новых медиаторов занимают страны, ранее выступавшие в роли объектов, а не субъектов международных отношений.

Подобные процессы происходят и в регионе Ближнего Востока [Кузнецов, Наумкин, 2023, с. 73]. Активизация дипломатической активности отдельных государств Арабского мира и Турции, появление у местных элит глобальных амбиций и экспорт силы за пределы традиционных границ региона позволяют говорить о смене внешнеполитической парадиг-

мы этих стран. Повышение собственной роли в международных делах происходит в том числе за счет продвижения их образа как посредников в конфликтном урегулировании с упором как на региональные, так и глобальные инициативы.

В рамках данной статьи автор предлагает рассмотреть потенциал ближневосточных государств в области медиации и его эволюцию в постбиполярную эпоху сквозь призму мир-системного подхода, разработанного в Лаборатории анализа международных проблем (ЛАМП) МГИМО МИД России и нашедшего отражение в работах таких исследователей, как М.А. Хрусталева и А.Д. Богатуров. На основе понимания функционирования Ближнего Востока как самостоятельной подсистемы международных отношений будут проанализированы отдельные кейсы посреднической деятельности стран региона с упором на их дальнейшую практическую отдачу для повышения статуса соответствующих держав. Отдельное внимание будет уделено причинам интенсификации участия ближневосточных государств в конфликтном урегулировании после 2010-х гг.

ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

На протяжении всей истории цивилизации конфликты сопровождали человечество и воспринимались государствами как часть нормального положения вещей. В то же время в случае глубокого кризиса и невозможности сторон договориться самостоятельно участники конфликтов прибегали к услугам третьей стороны, посредника, который мог бы предложить свою территорию как место для переговоров и выступить в качестве инициатора диалога. Институт посредничества насчитывает несколько тысячелетий: ещё во времена Античности греческие полисы обращались к услугам посредников. Так, граждане Кирены призвали Демонакта из Мантинеи для разрешения споров, касающихся государственного устройства полиса [Tod, 1913, p. 108].

Понятие «посредничество» фигурирует и в официальных международных документах. Так, в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 1907 г. посредничество поощряется как механизм разрешения международных споров и используется во избежание применения силы и войны как способа достижения желаемого международного мира. Более того, в ст. 15 отдельно отмечается, что «[о]бщества для оказания помощи военнопленным, надлежаще учреждённые по законам их страны и имеющие задачей быть посредниками в делах благотворения, а также и их законно уполномоченные агенты для наиболее успешного выполнения своей человеколюбивой деятельности будут пользоваться всеми облегчениями со стороны воюющих в пределах, обусловленных военными требованиями и административными порядками» [Конвенция,]. Посредничество упоминается и в одном из главных международных договоров, Уставе ООН. В ст. 33 гл. VI посредничество выделяется как один из способов мирного разрешения спора: «[с]тороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путём переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [Устав ООН, б.д.].

Под посредничеством в целом понимается процесс, в ходе которого третья сторона способствует разрешению конфликта между двумя игроками. Данная деятельность направлена на содействие диалогу и переговорам, предоставление участникам конфликта возможность сблизить свои позиции и убрать раздражающие факторы, препятствующие заключению мирного соглашения. Посредничество играет жизненно важную роль в поддержании международной стабильности.

В посредничестве могут принимать участие как государства, так и международные организации, а также отдельные лица, заинтересованные в прекращении конфликта между враждующими сторонами. Посредники, в свою очередь, стремятся создать благоприятные условия для проведения переговоров, обеспечивая учет интересов сторон. Эффективное посредничество может не только разрешить уже идущий конфликт, но и предотвратить тот, который ещё не начался.

Посредники в международных конфликтах выступают в качестве нейтральной стороны, которая оказывает содействие диалогу и способствует укреплению доверия между участниками переговоров и снижению напряженности при установлении контакта.

За всю историю института посредничества главным субъектом в этой деятельности остаётся государство. Причём речь может идти как о крупном государстве, обладающем весом и ресурсами для оказания влияния на враждующие стороны (например, посредничество СССР в 1966 г. в ходе конфликта между Индией и Пакистаном), так и о малом государстве, которое, хотя и не обладает финансовыми и военными рычагами давления, способно, задействуя дипломатические ресурсы, убедить конфликтующие стороны сесть за стол переговоров на нейтральной территории. Так, Швеция выступила посредником в переговорах между СССР и Финляндией в 1944 г., а секретные переговоры об условиях установления мира проходили также и на её территории [Комаров, 1995, с. 17].

Помимо государств, в качестве посредника может выступить и международная организация. Во время Суэцкого кризиса эту функцию выполнял Генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршельд. Снижению напряженности также способствовала и дальнейшая миротворческая деятельность ООН.

Посредничеством могут заниматься и негосударственные акторы, которые формируют т. н. дипломатию второго трека, в рамках которой можно выделить две категории – деятельность НПО и академических кругов. В частности, в документах Международного движения Красного креста утверждается, что организация может выступать в качестве посредника, если этого требуют сложившиеся обстоятельства [*Действия Международного Комитета Красного Креста*, с. 210]. В качестве же деятельности академических кругов приведем Дартмутские диалоги между США и СССР, которые были проведены в 1960 г. и были направлены на большее взаимопонимание между странами за счет вовлечения в дискуссию американских и советских ученых, а также бывших государственных служащих [Московский, 2012, с. 35].

Таким образом, посреднические функции могут выполняться широким кругом международных игроков, включая малые и средние державы. Высокий конфликтогенный потенциал региона Ближнего Востока и проводимая данными странами активная внешняя политика делает их потенциально перспективным объектом исследования как действующих и перспективных посредников в региональных и внерегиональных конфликтах.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В КОНФЛИКТНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Изначально страны региона выступали в качестве посредников при решении внутререгиональных конфликтов. Ключевую роль в этом играла Саудовская Аравия как крупнейшая держава арабского мира и, шире, исламской Ойкумены, чей статус обусловлен не только масштабами страны и её населения, но и расположением на её территории священных для мусульман городов Мекки и Медины, а также титула короля Саудовской Аравии как «Хранителя Двух Святых».

Эр-Рияд традиционно действовал в качестве посредника при разрешении межарабских кризисных ситуаций. В частности, в сентябре 1973 г. в Каире был проведен Арабский саммит, на котором король Фейсал выступил медиатором в примирении между Египтом, Сирией и Иорданией. Впоследствии в 1985–1986 гг. Саудовская Аравия способствовала восстановлению прямых дипломатических отношений между Иорданией и Сирией: в 1981 г. Амман разорвал дипломатические связи с Дамаском, обвинив Сирию в организации заговоре с целью убийства премьер-министра страны и похищении посла Иордании в Ливане. В течение следующих пяти лет отношения между двумя странами стремительно ухудшались. Амман заявлял о помощи Дамаска радикальным палестинским группировкам, совершившим несколько политических убийств иорданских дипломатов в Европе и на Ближнем Востоке.

Однако в 1985–1986 гг. при посредничестве Саудовской Аравии состоялись переговоры, которые привели к восстановлению дипломатических связей. В мае 1986 г. премьер-министр Иордании стал первым высокопоставленным чиновником из Аммана, посетившим Сирию с 1977 г., что заложило основу для постепенного улучшения отношения между двумя странами.

Активную роль саудовская дипломатия сыграла в урегулировании гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг. Эр-Рияд стремился поддерживать открытые каналы связи со всеми сторонами внутриливанского конфликта, включая шиитскую Хезболлу, и обеспечить баланс интересов всех этно-конфессиональных групп с тем, чтобы каждая фракция была вынуждена пойти на некоторые уступки для достижения долгосрочного и стабильного мира. Саудовская Аравия прибегала к инструментам политического и финансового давления, для того чтобы убедить различные ливанские и сирийские стороны конфликта сесть за стол переговоров [Сапронова, 2010, с. 308].

В результате упомянутых усилий Эр-Рияда в сентябре 1989 г. 62 оставшихся в живых депутатов парламента Ливана, избранных в 1972 г., встретились в Таифе и попытались выработать формулу для прекращения ливанского конфликта. Таифское соглашение изменило структуру политической системы Ливана, власть перешла от традиционно маронитского президента к кабинету министров, разделенному поровну между мусульманами и христианами¹. В соглашении также содержится план обеспечения безопасности, предусматривающий распространение государственного суверенитета на всю территорию Ливана.

Дипломатические усилия Саудовской Аравии распространялись и на соседние страны Персидского залива. Успеха удалось достичь в деле примирения Катара и Бахрейна, который выдвигал территориальные притязания на Эз-Зубару на северо-западном побережье Катара и на острова Хавар к югу от Зубары. В 1986 г. при посредничестве Эр-Рияда и под эгидой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива был подписан Меморандум, в котором Манама подтвердила приверженность необходимости урегулирования спора с Дохой в соответствии с принципами международного права и Устава ООН, то есть исключительно мирными средствами [Kamrava, 2013, p. 159].

Особый упор саудовская дипломатия делает на своей роли «хранителя двух святынь» и, следовательно, ключевого медиатора межмусульманских противоречий. В качестве примера приведём переговоры в Мекке 6–8 февраля 2007 г. под эгидой короля Абдаллы, по итогам которых президент Палестины Махмуд Аббас и высокопоставленные лидеры движения «Хамас» договорились сформировать правительство национального единства Палестины.

¹ В соответствии с соглашением была выработана следующая комплексная система распределения власти между различными этнорелигиозными группами населения: президент страны должен был быть христианином, премьер-министр – суннитом, спикер парламента – шиитом. Места в законодательном органе также были квотированы и распределялись в зависимости от этноконфессиональной принадлежности.

Заключенное по итогам встречи Мекканское соглашение 2007 г. понизило напряженность в отношениях между политическими фракциями в Палестине и воспринимается в качестве крупного достижения саудовской дипломатии [Антонова, 2021, с. 615].

Вместе с тем в 2000-е гг. Эр-Рияд постепенно стал играть роль посредника во внешне-региональных конфликтах [Подрезов, 2023, с. 49]. В 2005 г. король Саудовской Аравии Абдалла выступил медиатором в достижении договоренности между США и Сирией о допросе высокопоставленных сирийских чиновников в связи с убийством премьер-министра Ливана Рафика Харири, а в 2007 г. Эр-Рияд пригласил высокопоставленных лиц из разных группировок Сомали для проведения посреднических переговоров о мирном урегулировании.

Что касается иных региональных игроков, следует отметить потенциал Катар, ОАЭ и Турции. Посреднические усилия Дохи традиционно носили более личный характер, часто при непосредственном участии эмира, шейха Хамада бин Халифы, или премьер-министра, шейха Хамада бин Джабира. В частности, Катар активно участвовал в успешном посредничестве в ливанском кризисе 2008 г., а также выступал принимающей стороной во время переговоров между США и движением «Талибан» [Sharofiddinov, 2024, p. 518].

В свою очередь, ОАЭ в 2010-е гг. значительно укрепили свой посреднический потенциал, делая акцент на предоставлении гуманитарной помощи в условиях вооруженного конфликта [Тюкаева, 2024, с. 50]. Например, в йеменском кризисе Абу-Даби сделал вклад в имплементации Эр-Риядского соглашения за счет оказания чрезвычайной помощи населению, проживающему на территории под контролем обеих сторон конфликта. Совокупно на эти цели в 2015–2024 гг. было выделено более 6 млрд долл. США, направленных в том числе на проекты раннего восстановления в области образования, здравоохранения, энергетики и транспорта.

Глобальная роль ОАЭ как посредника отмечается в эфиопо-эритрейском и индо-пакистанском конфликтах. Абу-Даби способствовал заключению мирного соглашения 2018 г. между Эфиопией и Эритреей, положившему конец одному из самых продолжительных межгосударственных вооруженных конфликтов на африканском континенте, и соглашению о прекращении огня между Индией и Пакистаном 2021 г. после периода обострения напряженности вдоль линии разграничения в Кашмире. Отличительная сторона миротворческих усилий ОАЭ – активное задействование инструментов т. н. дипломатии второго трека, то есть привлечения негосударственных игроков из враждующих стран для неформального обсуждения различных вопросов с их дальнейшей трансляцией лицам, принимающим решения.

Посредническая роль Турции вышла на первый план в ряде конфликтов во время Арабской весны, в том числе в Бахрейне, Ливии, Сирии, Ираке. Турция выступила посредником в урегулировании этноконфессионального кризиса в Бахрейне в 2011 г., обменявшись информацией с рядом сторон, включая Саудовскую Аравию, Иран и Объединенные Арабские Эмираты, а также правительством страны и оппозиционные группы [Подрезов, 2025, с. 171]. Анкара призвала правительство рассмотреть возможность проведения реформ, оппозицию – воздержаться от насилия, а стороны – предотвратить межконфессиональный конфликт [Topaloğlu, 2021, p. 62]. Попытка посредничества достигла частичных результатов, что положило начало общению между сторонами. Бахрейн также является одной из немногих стран, где Турция придерживалась нейтральной позиции во время Арабской весны.

Хотя вовлеченность Анкары в региональные конфликты, в частности, в Сирии и Ираке, хорошо задокументирована, Турция способна задействовать свое влияние на одну из сторон, включая поддерживаемые ею, для поиска компромисса, особенно в условиях участия в урегулировании глобальных игроков, таких как Российская Федерация и США.

Таким образом, крупные страны Ближнего Востока имеют давнюю историю посреднической активности в кризисном урегулировании. Вместе с тем до середины 2010-х гг. эти усилия традиционно касались внутривнутрирегиональных конфликтов; выступлению в качестве глобальных посредников, как представляется, способствовали два ключевых фактора: активизация в регионе «конгресс-дипломатии» и последствия перехода в острую фазу украинского кризиса в 2022 г.

«КОНГРЕСС-ДИПЛОМАТИЯ» И ГОСУДАРСТВА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Укреплению позиций стран Ближнего Востока как посредников при решении конфликтов способствовало расширение участия этих государств в институтах многосторонней дипломатии и иных видах дипломатической деятельности, в первую очередь экономической и культурно-гуманитарной направленности. Изначально предполагалось, что более активная внешнеполитическая линия приведет к повышению их инвестиционной привлекательности, что, в частности, позволило бы переориентировать «нефтяные» экономики государств Персидского залива на иные сферы хозяйственной деятельности, а таким странам, как Египет, – привлечь дополнительные средства и в конечном счете повысить уровень жизни своего населения [Hare, 2016, p. 126].

Организация масштабных внешнеполитических мероприятий требует создания соответствующей инфраструктуры: строительства дорог, гостиниц, выставочных площадей и пр. Так, ежегодно Конференцию сторон (КС) Рамочной конвенции ООН по изменению климата (РКИК) посещает свыше десяти тысяч человек; речь идет как о дипломатах, так и о представителях частного сектора, неправительственных организаций, гражданского общества, молодежи. Подобные конференции сопровождаются проведением круглых столов «на полях» и обычно собираются на базе крупных выставочных площадей. Как следствие, страна-хозяйка такой встречи получает не только политические выгоды, но и развивает инфраструктуру, которая впоследствии может быть использована снова [Лебедева, 2019, с. 55]². Подобный эффект имело проведение КС РКИК 2022 г. в Шарм-эль-Шейхе и 2023 г. в Абу-Даби.

Кроме того, крупные мероприятия в области экономической и культурно-гуманитарной дипломатии обычно сопровождаются визитами руководства отдельных стран и высокопоставленных внешнеполитических деятелей. Отечественный исследователь Д.С. Столков в этой связи вводит в научный оборот термин «конгресс-дипломатия», описывающий внешнеполитические выгоды страны от проведения представительных международных форумов [Столков, 2023, с. 126]. В частности, выставку «Дубай-Экспо» – 2020 посетило свыше 25 млн человек, а на её полях был заключен ряд соглашений, в том числе торговый договор между ОАЭ и Сирией.

Аналогичный эффект имело проведение в Катаре в 2022 г. чемпионата мира по футболу. Церемонию открытия посетило 17 глав государств, правительств и международных организаций, включая Генерального секретаря ООН Антонио Гутерреша, руководителей Алжира, Джибути, Египта, Ливана, Либерии, Ливии, Палестины, Руанды, Сенегала, Турции; как следствие, мероприятие предоставляет возможность проведения закрытых встреч и переговоров, что становится особенно важным сегодня в связи с медиатизацией дипломатии и

² Оговоримся, что нередки случаи, при которых подобные объекты в дальнейшем не находят применения и, наоборот, становятся обузой для бюджета страны. В качестве примера приведем стадионы в Бразилии, строившиеся к чемпионату мира по футболу 2014 г. Однако в целом обновление инфраструктуры представляется нам скорее дополнительным стимулом к развитию внутривнутрихозяйственных связей.

необходимостью создания условий для дискретных обсуждений чувствительных вопросов без привлечения внимания СМИ.

Дополнительное значение приобретает расширение многостороннего взаимодействия. Повышение частотности и широты охвата профильных переговоров, которые проходят под эгидой Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС) и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), создают базу для последующего экстраполирования полученного дипломатического опыта на внерегиональные инициативы.

В результате в 2010-х гг. в странах Ближнего Востока сложились предпосылки для повышения роли региона в посредничестве при урегулировании региональных и глобальных конфликтов, основой для которых стало проведение широкого спектра многосторонних международных мероприятий. Катализатором этого процесса, как будет показано ниже, выступило начало Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ РОЛИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ПОСЛЕ 2022 г.

После февраля 2022 г. наблюдался резкий рост посреднической активности ближневосточных стран во внерегиональных делах, в первую очередь связанных с различными аспектами урегулирования украинского кризиса и налаживания взаимодействия между Россией, с одной стороны, и США и европейскими государствами, с другой. Причиной этому служит отказ традиционно нейтральных стран Европы (Швейцария, Финляндия, Австрия) от равноудаленной позиции в международных отношениях и де-факто интеграция в проводимую евробюрократией общую внешнюю политику и политику в сфере безопасности [Громыко, 2020, с. 33].

Малые страны Европы использовались сторонами как место проведения переговоров в силу удобного географического положения, широкой дипломатической представленности и наличия необходимой для подобных мероприятий инфраструктуры. В качестве примера можно привести саммит В.В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки 2018 г. и встречу Президента России с его американским коллегой Дж. Байденом в Женеве в 2021 г. Однако присоединение Вены, Хельсинки и Берна к антироссийским санкциям, заморозка суверенных российских активов и масштабные высылки российских дипломатов более не позволяют считать их «честными брокерами».

Напротив, страны Ближнего Востока поддерживают высокий уровень отношений как с Москвой, так и с европейскими столицами, и неоднократно выражали готовность выступить в качестве места проведения эвентуальных переговоров, как прямых, так и не прямых. Речь идет о дипломатическом диалоге в целом: примечательно, что, когда в 2023 г. Россия заняла кресло председателя неформального объединения «ядерной пятерки» и должна была организовать очередную встречу профильных экспертов в области ядерного нераспространения и контроля над вооружениями, в качестве «нейтральной территории» был выбран Каир. Однако наибольшего масштаба такие посреднические усилия достигли в области урегулирования конфликта на Украине.

Предпринимаемые ближневосточными государствами меры можно разделить на две группы. Во-первых, страны региона, в первую очередь – ОАЭ и Катар – выступали посредниками в рамках гуманитарных инициатив. В частности, речь идет об обменах военнопленными и телами погибших военнослужащих, репатриации детей, открытии гуманитарных коридоров и доставке гуманитарной помощи. Так, на протяжении 2024 г. Абу-Даби способствовал обмену более 2,8 тыс. военнопленных между Россией и Украиной [ОАЭ,

2025] а Доха организовала возвращение 15 детей из 10 семей к родственникам в Россию и 87 детей из 69 семей – на Украину [Катар, 2025].

Активную политику в этой области проводит Турция, причем для Анкары главное значение имеет безопасность судоходства в Чёрном море. Благодаря её усилиям в июле 2022 г. в Стамбуле Россия, Украина, Турция и ООН заключили два отдельных соглашения: о безопасности прохода судов с товарами агропромышленного комплекса из портов Одессы, Николаева и Южного (т. н. Зерновая сделка) и Меморандум Россия-ООН на срок 2022–2025 гг. об устранении препятствий для экспорта российской сельскохозяйственной продукции на мировые аграрные рынки. Данные соглашения имели и практическое преломление: в Стамбуле был учрежден совместный координационный центр, который был должен проводить инспекции украинских судов, с тем чтобы избежать использования данного маршрута для поставок вооружений Киеву. Хотя Россия в ноябре 2022 г. и марте-апреле 2023 г. приостанавливала действие «зерновой сделки», а в июле 2023 г. окончательно из нее вышла, Меморандум Россия-ООН продолжает действовать, а руководство Турции регулярно высказывается в поддержку возобновления изначальной версии соглашения.

Во-вторых, страны Ближнего Востока предоставляют площадки для проведения переговоров по самым острым конфликтам современности, включая украинский кризис. Например, четвёртый (и последний на сегодняшний момент) раунд прямых российско-украинских мирных переговоров прошёл 29 марта 2022 г. в Стамбуле. Предметно обсуждалось правовое закрепление завершения боевых действий: на первом этапе Россия заявила о намеренном снижении военной активности на Киевском и Черниговском направлениях и предложила в скором времени провести встречу президентов двух стран. В ответ украинская делегация предоставила позицию Киева: так, Украина отказывалась от захвата Крыма и Севастополя военным путем, планов по созданию и размещению ОМУ и иностранных военных баз. Хотя данные переговоры, по заявлениям российской дипломатии, впоследствии были сорваны в связи с «провокацией в Буче и вмешательством стран Запада, в первую очередь – Великобритании» [Выступление Министра, 2025] они стали наиболее реальной попыткой положить конец военным столкновениям между Москвой и Киевом.

Кроме того, в связи с курсом нового президента США Д. Трампа и необходимостью организации российско-американских переговоров возросло значение стран региона как перспективных мест проведения двусторонних встреч, а в дальнейшем – саммита глав двух государств. При этом наметилась определенная «специализация» стран Ближнего Востока: если Турция уже дважды в 2025 г. принимала в Стамбуле технические консультации Москвы и Вашингтона по нормализации работы дипломатических миссий и снятия взаимных «раздражителей» в двусторонних отношениях (на технический характер переговоров указывает и уровень глав делегаций; в частности, группу российских переговорщиков возглавлял директор Департамента Северной Атлантики МИД России, впоследствии Посол России в США А.Н. Дарчиев), то комплексные переговоры на высоком уровне с участием министров иностранных дел и советников по национальной безопасности и внешней политике дважды проходили в Саудовской Аравии [Белов и др., 2025, с. 107].

Вместе с тем необходимо отметить, что посреднические функции государств Ближнего Востока не ограничиваются российско-украинским урегулированием. На территории Катара традиционно организуют встречи т.н. Дохийского формата, объединяющего представителей стран Запада, Ближнего Востока, Пакистан, Российскую Федерацию и ООН и пытающегося добиться нормализации социально-экономической ситуации в Афганистане и налаживания технического диалога с правящим режимом талибов с упором на тематику защиты и поощрения прав человека [Тюкаева, 2023, с. 100]. Посредниками во взаимодействии между Израилем и ХАМАС обычно выступают Катар и Египет. Активные

посреднические функции в диалоге с США берет на себя Маскат: в апреле 2025 г. в Омане прошли американо-иранские переговоры по иранской ядерной программе, а в мае того же года Оман, по сообщениям СМИ, выступил медиатором в конфликте между Вашингтоном и хуситами, обеспечив прекращение огня в Красном море и сворачивание нападений повстанцев на международные торговые суда, проходящие вдоль йеменского побережья далее через Суэцкий канал в Средиземное море. Хотя все описанные выше сюжеты объединяет принадлежность одной из сторон конфликта к исламскому миру, а потому данные посреднические усилия не могут восприниматься как глобальные, вовлеченность в переговорный процесс внерегиональных игроков (Вашингтон, Брюссель и пр.) демонстрирует уникальность ближневосточных государств как медиаторов.

ВЫВОДЫ

Традиционно государства Ближнего Востока выполняли функции медиаторов во внутри-региональных конфликтах. До начала 2010-х гг. примеры глобальных амбиций конфликтного урегулирования стран Арабского мира и Турции скорее представляются исключением.

Изменению подходов ближневосточных государств к конфликтному урегулированию способствовала общая активизация местной дипломатии. Более широкое применение инструментов т. н. конгресс-дипломатии, вовлеченность в проведение многосторонних мероприятий социально-экономической и культурно-гуманитарной направленности создало как институциональную, так и инфраструктурную базу для последующих профильных встреч на иных дипломатических треках. Повышение эффективности соответствующих усилий обусловлено также широким применением некоторыми странами (ОАЭ, Турция) механизмов «дипломатии второго трека».

Дополнительные перспективы для повышения посреднической роли государств региона создаются ввиду наблюдавшегося после 2022 г. отказа западных государств от политики нейтралитета. Необходимость нормализации отношений между Москвой и Вашингтоном и эвентуальная выработка мирной формулы для российско-украинского конфликта делает из стран Ближнего Востока перспективных медиаторов, уже доказавших свою эффективность как в области решения гуманитарных вопросов, так и в качестве стран-хозяек соответствующих встреч. «Специализация» на отдельных видах медиации (обмен пленными, предоставление территории для технических консультаций и пр.) позволяет государствам занимать определенную нишу и повысить свой статус в глобальной мир-системе. При этом сегодня речь идет не только о конфликте на Украине и связанном с ним обострении отношений между Москвой и коллективным Западом, но и иными мировыми конфликтами, в первую очередь – в Афганистане, на Африканском роге, а также в американо-иранских отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антонова Н.Г. США – Израиль – арабские монархии Персидского залива в регионе Ближнего Востока: причины сближения и последствия для региональной геополитики. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. Т. 11. № 2(71). С. 612–623 [Antonova N.G. New alliance «US – Israel – Arab monarchies of the Persian Gulf» in the Middle East: reasons for convergence and implications for regional geopolitics. *Issues of National and Federative Relations*. 2021. Vol. 11. No. 2(71). Pp. 612–623 (in Russian)].

Белков Е.А., Гужев И.А., Добрева Е.И., Звягельская И.Д., Ибрагимов И.Э., Кадырмамбетов Т., Лазовский С.О., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю., Сухов Н.В., Тюкаева Т.И.

Ближневосточные центры силы: способы реализации влияния. *Восток (Oriens)*. 2025. № 2. С. 99–111 [Belov E.A., Guzhev I.A., Dobрева E.I., Zvyagel'skaya I.D., Ibragimov I.E., Kadyrmambetov T., Lazovskij S.O., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu., Sukhov N.V., Tyukaeva T.I. The Middle East Powers. Main Tools of Influence. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 2. Pp. 99–111 (in Russian)].

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 79-й сессии ГА ООН. *Постоянное представительство Российской Федерации при ООН*. 28.09.2024 [Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov's remarks (statement) at the General Debate of the 79th Session of the UN General Assembly. *Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations*. 28.09.2024 (in Russian)]. <https://russiaun.ru/ru/news/2809283> (accessed: 17.05.2025).

Громыко Ал.А. (Дез)интеграционные процессы: кризис «глобального мира». *Обозреватель*. 2020. № 7. С. 24–38 [Gromyko A.A. (Dis)integration Processes: The Crisis of the Global World. *Observer*. 2020. No. 7. Pp. 24–38 (In Russian)].

Действия Международного Комитета Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права или других основополагающих норм, касающихся защиты лиц в ситуации насилия. *Международный журнал Красного Креста*. 2005. Т. 87. № 858. С. 209–218 [Action by the International Committee of the Red Cross in the event of violations of international humanitarian law or of other fundamental rules protecting persons in situations of violence. *International Review of the Red Cross*. 2005. Vol. 87. No. 858. Pp. 209–218 (in Russian)].

Катар продолжает посредничество между РФ и Украиной для возвращения детей в семьи. *ТАСС*. 21.01.2025 [Qatar continues mediation between the Russian Federation and Ukraine to return children to families. *TASS*. 21.01.2025 (in Russian)]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22933223/amp> (accessed: 17.05.2025).

Комаров А.А. Выход Финляндии из второй мировой войны: (По материалам Архива внешней политики России МИД России). *Северная Европа: Проблемы истории*. М.: Прогресс-Академия, 1995 [Komarov A.A. Finland's Withdrawal from World War II (Based on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). *Northern Europe: Problems of History*. Moscow: Progress-Akademiya, 1995 (in Russian)].

Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны [Convention respecting the Laws and Customs of War on Land (in Russian)] <https://docs.cntd.ru/document/901753259/titles> (accessed: 13.01.2026).

Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–92 [Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. Global and regional trends of the century+ in the Middle East: A new interpretation. *Lomonosov World Politics Journal*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 70–92 (in Russian)].

Лебедева О.В. Институты многосторонней дипломатии. М.: Аспект Пресс, 2019 [Lebedeva O.V. *The Institutions of Multilateral Diplomacy*. Moscow: Aspekt Press, 2019 (in Russian)].

Московский М.А. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 3. С. 33–47 [Moskovsky M.A. The Dartmouth Dialog: The First Steps of Informal Soviet-American Diplomacy. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2012. No. 3. Pp. 33–47 (in Russian)].

ОАЭ способствовали обмену более 2,8 тыс. пленных между РФ и Украиной. *ТАСС*. 05.02.2025 [UAE facilitated the exchange of more than 2.8 thousand prisoners of war between Russia and Ukraine. *TASS*. 05.02.2025 (in Russian)]. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23065213/amp> (accessed: 17.05.2025).

Подрезов М.А. Иран и Саудовская Аравия: новая разрядка? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 48–55 [Podrezov M.A. Iran and Saudi Arabia: a New Détente? *Asia & Africa Today*. 2023. No. 11. Pp. 48–55 (in Russian)].

Подрезов М.А. Отношение населения арабских стран Ближнего Востока к Ирану и его региональной политике в 2010-х гг. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 170–181 [Podrezov M.A. Attitude of the Arabian Middle East Population towards Iran and its Regional Policy in 2011–2019. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 170–181 (in Russian)].

Сапронова М.А. Ливан: меняющиеся парадигмы политического развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4. С. 308–310 [Sapronova M.A. Lebanon: Changing Paradigms of Political Development. *MGIMO Review of International Relations*. 2010. No. 4. Pp. 308–310 (in Russian)].

Столков Д.С. Дипломатия диалоговых структур: Фонд Росконгресс. *Международная жизнь*. 2023. № 11. С. 126–133 [Stolkov D.S. Diplomacy Of Dialogue Institutions: The Roscongress Fund. *The International Affairs*. 2023. No. 11. Pp. 126–133 (in Russian)].

Тюкаева Т.И. Резонансный Катар: феномен внешнеполитической идентичности малой монархии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 10. С. 94–107 [Tyukaeva T.I. The Resonant Qatar: The Phenomenon of a Small Monarchy's Foreign Political Identity. *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67. No. 10. Pp. 94–107 (in Russian)].

Тюкаева Т.И. Взгляд монархий Залива на трансформации мироустройства и место России в нем. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 5. С. 49–60 [Tyukaeva T.I. The Gulf Monarchies' Vision of the Global Order Transformations and the Russian Place in It. *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68. No. 5. Pp. 49–60 (in Russian)].

Устав ООН (полный текст) [United Nations Charter (full text) (in Russian)]. <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 13.01.2026).

Hare P. *Making Diplomacy Work. Intelligent Innovation for the Modern World*. Boston: Sage, 2016.

Kamrava M. Mediation and Saudi Foreign Policy. *Orbis*. 2013. Vol. 57. Pp. 152–170.

Sharofiddinov O. Qatar's Mediation Diplomacy: Its Role in Middle East Conflict Resolution. *Modern Science and Research*. 2024. Vol. 10. No. 3. Pp. 515–522.

Tod M.N. *International Arbitration amongst the Greeks*. Oxford: Oxford University Press, 1913.

Topaloğlu Y.B. Turkey as a Mediator in the Middle East: A Neoclassical Realist Analysis. *New Middle Eastern Studies*. 2021. Vol. 11. No. 2. Pp. 43–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОБРОВ Александр Кириллович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия.

Alexander K. BOBROV, PhD (History), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.